

«ВЕЛИКАЯ СИЛА» ИЛИ «ВЕЛИКАЯ НЕУДАЧА»?

(Д.С. Мережковский и Н.А. Бердяев о роли культуры в развитии общества)

© 2007 г.

О.В. Пчелина

Марийский государственный технический университет

symbolism@rambler.ru

Поступила в редакцию 21.03.2007

Данная статья посвящена одной из центральных проблем современного философского знания – социокультурному кризису рубежа XIX–XX вв. и роли культуры в развитии общества.

Сопоставительный анализ творческого наследия представителей русской религиозно-философской мысли Д.С. Мережковского и Н.А. Бердяева позволяет всесторонне осмыслить данный культурный феномен.

Мыслители не только задумывались о причинах и последствиях социокультурного кризиса в контексте истории, судьбы и предназначения России, но и стремились к осуществлению возможного варианта возрождения общества, основанного на приоритете духовной культуры. Обращение к творчеству Мережковского и Бердяева позволяет воссоздать более полную картину развития русского религиозного Ренессанса.

Категория «культура» для Мережковского и Бердяева – одна из основных в философии. Мыслители пришли к пониманию сущности культуры как системы, которая охватывает и определяет все сферы жизни. Философы вырабатывают культурфилософские позиции, строящиеся на противопоставлении понятий культуры и цивилизации, однако при очевидном тематическом совпадении их взгляды в характеристиках понятий имеют существенные различия.

Подробно представлена концепция взаимосвязи культуры и религии. Интерпретируя религию как начало и основание культуры, предвещая, что в будущем «культура заменит религию и сама станет религией», Мережковский и Бердяев демонстрируют потенциал духовной культуры как силы, способной трансформировать и стимулировать позитивные исторические изменения.

Сравнительный анализ взглядов Мережковского и Бердяева дает основание говорить о том, что объединяющим в их подходах было положение о примате духовной культуры над цивилизацией, являющейся гарантом человеческого творчества и залогом развития свободного общества в условиях кризиса. Философы обозначили и задачу будущего развития общества – духовная культура должна стать направляющим началом, задавать вектор цивилизационного развития.

...от начала времен путь человечества есть
путь к божественному Обществу...

Д. Мережковский

Я не предсказываю, каким путем необходимо
пойдет история, я хочу лишь... начертать
идеальные черты и тенденции нового типа
общества и культуры.

Одной из основных тем отечественной философской мысли второй половины XIX – начала XX в. была тема выбора пути развития России и социальной роли культуры. Кризис западноевропейской цивилизации, проявившийся как социальный и духовный кризис Европы, обострил проблему развития будущего, чувство конца истории, проявил зрелее ощущение грядущих социальных катастроф в России, заставляя искать новые формы преобразования общества. Интенсивный поиск альтернативы массовому обществу с его приоритетами материального благополучия привел русских философов к размышлениям о миссии России в истории XX столетия, критическому анализу особенностей взаимодействия культуры и цивилизации.

В духовной жизни начала XX века из значительного числа русских философов выделяется группа мыслителей, названных религиозными мыслителями. Среди них по

праву должны быть названы имена Д.С. Мережковского (1865–1941) и Н.А. Бердяева (1874–1948), труды которых стали ярким культурным событием эпохи. Один из них открывал, а другой завершал в своем творчестве то, что называют «русским религиозным Ренессансом». В кругу современников они отличались умением реагировать на болевые точки в области духовной культуры.

Творческие пути мыслителей часто пересекались – они много общались в эмиграции, пытались вместе создать группу под названием «Меч» с дальнейшим изданием журнала с аналогичным названием. Д. Мережковский был членом основанного Н.А. Бердяевым Религиозно-философского общества (1907–1917 гг.). Работы Бердяева свидетельствуют о том, что творчество Д.С. Мережковского часто становилось объектом внимания философа, подвергалось глубокому анализу. Живое чувство истории,

свободомыслие, творческое восприятие жизни, эсхатологическое ощущение будущего – все эти черты сближали мыслителей. Несмотря на то что работы Мережковского нередко подвергались критике со стороны Бердяева, оба мыслителя стремились к одной цели – осуществлению возможного варианта возрождения общества, основанного на приоритете духовной культуры, и отрицали насильственный путь преобразования общества.

Отношение к идеям Мережковского очень точно отражает и духовные ориентиры самого Бердяева, а совпадения в оценках свидетельствуют о близости исследуемых тем. Для мыслителей характерно в большей степени «альтернативное», а точнее, антиномичное мышление. Они читали и любили одни и те же книги, отдельные эпохи развития человечества современники рассматривали через личности Данте и Леонардо да Винчи, Печерина и Герцена, Чаадаева и Гоголя, Толстого и Достоевского, Терезы Авильской и Иоанна Креста. Такой подход не был случайным: мыслители понимали, что личность – это не только образы-символы, но и воплощение сознания некогда живших людей, жизнь которых была проникнута глубокой философской идеей, не уступающей по значимости целым томам самых ярких сочинений.

Начало XX века, названного Н. Бердяевым «культурным ренессансом», ознаменовалось обращением значительной части выдающихся отечественных философов и писателей к проблемам духовной культуры. Характеризуя «литературный источник» духовно-эстетического Возрождения начала XX века, Бердяев в первую очередь назвал имя Д.С. Мережковского, сыгравшего «главную роль в пробуждении религиозного интереса и беспокойства в литературе и культуре» [1, с. 91].

Категория «культура» для Д.С. Мережковского и Н.А. Бердяева – одна из основных в философии. В своем творческом наследии оба мыслителя дали философское осмысление феномена культуры, пришли к пониманию сущности культуры как системы, которая охватывает и определяет все сферы жизни. Путем постижения сущности культуры, природы творчества они пытались найти выход из кризисного состояния общества к обновлению и культурному возрождению.

С позиции анализа культурно-исторических процессов мыслители связывали развитие культуры с периодичной сменой ее типов, с

неизбежностью появления новых форм, которые, сохраняя преемственность и традиции, обеспечивают дальнейшую творческую эволюцию. Следуя в русле идей Н.Я. Данилевского, мыслители выделяют такие этапы культуры, как рождение, развитие, достижение зрелости и завершение цикла. Период зрелости культуры мыслители рассматривают как вершину и цветение культуры, связывают его с подъемом человеческого духа (Мережковский), а также с мистикой, метафизикой и эстетикой (Бердяев).

Анализируя исторические эпохи, мыслители приходят к выводу о том, что в каждом историческом типе культуры можно обнаружить ее срыв или упадок. Культура не может удержаться на той высоте, которой достигает в период расцвета и зрелости. Понимая культуру как выражение духа, мыслители усматривают причину упадка культуры в разрыве с религиозными истинами, символикой, трактуют кризис культуры как «угашение человеческого духа», «истощение духовной энергии».

«Проникновение в роковую диалектику культуры» привело мыслителей не только к противоречию материальной и духовной сторон культуры, но и к проблеме противопоставления цивилизации и культуры. По замечанию Н.А. Бердяева, «тема об ожидающей нас судьбе» ставилась в русском сознании очень остро, и русские мыслители «давно уже познали различие между типом культуры и типом цивилизации и связали эту тему с взаимоотношением России и Европы» [2, с. 73].

Д.С. Мережковский и Н.А. Бердяев предлагают собственное видение проблемы. Философы вырабатывают культурфилософские позиции, строящиеся на противопоставлении понятий культуры и цивилизации, однако при очевидном тематическом совпадении их взгляды в характеристиках понятий имеют существенные различия.

Сформулированные Бердяевым различия между культурой и цивилизацией по некоторым положениям совпадали с концепцией О. Шпенглера. Культурологическая концепция О. Шпенглера строится на противопоставлении понятий «цивилизация» и «культура». «Культура», по Шпенглеру, есть единая культурно-материальная система, но лишь до определенного этапа, после которого культура перерождается в цивилизацию. Согласно Шпенглеру, цивилизация является конечной стадией, заключительным этапом развития, роком культуры и заканчивается смертью. В процессе

перехода культуры в цивилизацию О. Шпенглер увидел смену эпох.

Д.С. Мережковский придерживался иного мнения, считая, что культура и цивилизация существовали всегда и в идеале должны находиться в органическом единстве. Позднее это положение будет обосновано Н.А. Бердяевым, который считал, что ошибка Шпенглера заключалась в том, что он придал чисто хронологический смысл словам «цивилизация» и «культура» и увидел в них смену эпох. Между тем, уточнял Бердяев, «всегда будут существовать культура и цивилизация...» [3, с. 93].

Исходя из концепции «духовной плоти», культура представляется Мережковскому в виде синтеза «духа» и «плоти», материального и духовного начал. Мыслитель определяет цивилизацию как «телесную оболочку, плоть культуры, которая мертвоет без внутреннего, священного огня, без дыхания идеальной жизни» [4, с. 124]. Опираясь на опыт истории, Д.С. Мережковский утверждает, что культура бессмертна, и ничто не может препятствовать ее проявлению, даже если «вокруг... могут происходить всевозможные перевороты, все может рушиться» [5, с. 523]. Утверждению духовности служит культура (как проявление Духа, его бытийственности), а не цивилизация (как проявление плоти). Таким образом, только синтез, гармоническое единство цивилизации и культуры является, по Мережковскому, залогом развития и совершенствования идеального общества. В синтезе цивилизации и культуры выражалось стремление мыслителя показать значение культуры и ее роль в духовной, материальной и социальной жизни общества.

Для Бердяева цивилизация и культура – «не одно и то же». С точки зрения философа, культура благородного происхождения, она родилась из культа, истоки ее – сакральны, основы – религиозны. Именно в культуре не реалистически, а символически выражена духовная жизнь. Согласно Бердяеву, культура всегда бескорыстна в своих достижениях, цивилизация же, напротив, заинтересована. Воля к «жизни», к ее организации, воля к могуществу, господство экономизма, стремление к наслаждению и утилитарным ценностям – все это Бердяев называет цивилизаторской тенденцией. Говоря о культуре как о процессе, Н.А. Бердяев полагает, что в любой культуре «заклочены начала, которые неотвратимо ведут ее к цивилизации», т.е. умирает «дух» культуры и она становится цивилизацией. Мыслитель акцентирует

внимание на моменте перехода культуры в цивилизацию: переход происходит в том случае, если культура меняет направление своего развития, свою цель, состоящую в «высшей духовной культуре», на практическое осуществление «жизни» и перестает быть «самоценной» [2, с. 75]. Бердяев замечает, что во времена, когда история гордится своим прогрессом, общество становится менее религиозным. Интересы людей переходят из духовной сферы в материальную, из внутренней жизни во внешнюю, что приводит к преобладанию в жизни утилитарных ценностей.

Однако Н.А. Бердяев убежден, что внутри самой культуры может «возгореться» и иная воля. Мыслитель говорит о возможности религиозного преображения жизни как пути достижения подлинного бытия. С этой позиции цивилизация не является единственным и неизбежным концом культуры.

Сравнительный анализ взглядов Д.С. Мережковского и Н.А. Бердяева по проблеме противопоставления культуры и цивилизации дает основание говорить о том, что объединяющим в их подходах было положение о примате духовной культуры над цивилизацией, являющейся гарантом человеческого творчества и залогом развития свободного общества в условиях кризиса. Философы обозначили и задачу будущего развития общества: духовная культура должна стать направляющим началом, задавать вектор цивилизационного развития.

Ценностью культурологической концепции мыслителей является постановка вопроса о сущности религиозного понимания культуры и истории и его рассмотрение через анализ присущих философам антиномий – разума и чувства, знания и веры, духа и плоти. Рассматривая проблему связи религии с культурой, Мережковский и Бердяев условно разделяют ее на два вопроса: каково было значение религии для всей культуры, какова ее роль в процессе формирования, а также каково должно быть значение религии в настоящий момент. Мыслители понимали, что каждая эпоха требует, чтобы проблемы рассматривались и решались с учетом ее своеобразия. Отмечая определяющее значение религиозной темы в русской культуре XIX века, Н.А. Бердяев видел заслугу Д.С. Мережковского в том, что он одним из первых символистов заговорил о религиозной сущности культуры и заострил внимание на значительности «великих и вселенских» религиозных тем, поставленных мыслителем.

Называя религию «головой» культуры, Д.С. Мережковский отводил ей роль начала и основы культуры, утверждая, что «религия еще не культура, но нет культуры без религии». Понимая культуру и религию как единое целое, мыслитель выдвигает следующее положение: культура «не вытеснит, а лишь *заменит* собою религию, займет ее место, то есть она сама станет *религией*» [6, с. 86]. Отрицание религии в культуре Д.С. Мережковский сравнивает с «одичанием в культуре» и, следуя своему определению культуры как творчества ценностей, заключает, что отрицание религии есть не что иное, как разрушение ценностей, к которым относится сама культура.

Согласно Бердяеву, культура и религия неразрывно связаны между собой. Философ предлагает считать этот факт «установленным и с самой позитивно-научной точки зрения». Н. Бердяев не только обосновывает религиозные основы культуры – «вокруг храма зачалась она и в органический свой период была связана с жизнью религиозной», но и заостряет внимание на символической природе культуры. Символ становится для мыслителей важнейшей составляющей культуры и творчества. Современники Д.С. Мережковского называли его одним из первых представителей русского символизма, язык символов был для него языком религии: «Нельзя говорить о Боге словами, о Беспредельном – определениями; можно только знаками... *молчаниями между слов* дать почувствовать несказанное присутствие Божие» [7, с. 257]. Д.С. Мережковский трактовал «символ» как художественный образ, «из того мира в этот поданный знак, перекинутый мост». По мнению Мережковского, символизм выступал не только как направление, открывшее новый период в отечественной культуре, но и как «*всемирный переворот* в культуре», ведущий к поискам религиозного смысла жизни.

Согласно Бердяеву, «видимый мир есть символ мира невидимого», материальный мир символизирует мир духовный. Символы раскрывают смысл и ценности жизни, только символически творческий субъект выражает себя в объекте. Сущность же символизации состоит в том, что она дает «прообразы грядущей реализации, знаки иного мира». Следуя в русле размышлений Д. Мережковского, философ говорит о том, что «внутренняя жизнь другого опознается по поданным им знакам», а предназначение символа – «наводить мосты». По мысли Бердяева, преображение мира есть переход символов в реальность, а «вся культура и сама религия как часть культуры стоят под

знаком символизации» [8, с. 149]. Рассуждая о символической природе культуры, Бердяев усматривает ее связь с культовой символикой и подчеркивает, что именно в такой культуре представлены не последние достижения бытия, а лишь ее символические знаки.

Культура и творчество рассматривались обоими мыслителями как продолжение миротворения, которое само по себе есть постоянно длящийся и всеохватывающий процесс, а религиозная проблема творчества – как проблема сознания иного бытия, когда само творчество – религия. Осознание того, что «божье творение не закончилось и боготворческий процесс продолжается» привело мыслителей к проблеме теургии. Понимая теургию как сотворчество Бога и человека, творчество божественного в мире, Д. Мережковский и Н. Бердяев представляли процесс творчества как особое, качественно новое состояние человеческого сознания и человеческой общности. Понимая культуру как «взаимодействие целых поколений для достижения единой бескорыстной, идеальной цели, ...*цели мистической, религиозной...*», Д. Мережковский предпринял попытку анализа творческого процесса и непосредственно самого акта творения. Так, судьба Леонардо да Винчи в интерпретации Д.С. Мережковского являет собой олицетворение вечной жажды целостной культуры, ее синтеза. Художник выступает «богоподобным человеком», «пророком», «предвестником еще неведомого дня». Связывая анатомические опыты, которые возмущали религиозное чувство верующих, с научным любопытством ученого, Д.С. Мережковский показывает сознание бессилия, которое преследовало творца. В отчаянии Леонардо, в его несбывшейся мечте – «мы будем, как боги» – Д.С. Мережковский видит не только духовный кризис художника, но и трагедию самого процесса творчества – несоответствие между творческим замыслом и результатом. Единство души и тела, гармоническое единство материального и духовного начал остается недостижимым для героя. С точки зрения Мережковского, причина творческого кризиса состояла в том, что культура для творца «оказалась *шире христианства*», а Леонардо да Винчи или остался равнодушен, или не захотел знать имени Христа, из «пророка» художник превратился в «слепого вождя» [9, с. 648].

Творчеству художника Возрождения Д. Мережковский противопоставляет творчество его «великого брата» Данте, который

пророчески предчувствовал Христа Освободителя и подвел к этому человечество. Жизнь поэта измеряется не славой, а самим бытием: «Высшая мера жизни для него не созерцание, отражение бытия сущего, а действие, творение бытия нового». Д. Мережковский считает, что только в том случае, когда отдельное «я» совпадает с общим «я» всего человечества, а «вечная судьба» одного – с вечными судьбами всех, художник может «что-то *сделать* с людьми, изменить их души и судьбы мира» [10, с. 6].

Тема несоответствия задачи творческого процесса и его результата, а также противоречия культуры и «жизни» была продолжена Н.А. Бердяевым, который считал, что «культура всегда бывала великой неудачей жизни» [2, с. 165]. Сравнивая Ренессанс с другими эпохами, Бердяев отмечал, что художники творили, ощущая при этом радость творчества, не всегда осознавая, что «творчеством создается не то, что задается». Однако характерная для ренессансного периода умственная свобода истощила свои силы, а отрицание результатов умственной работы привело к порабощению и выразилось в кризисе творчества и культуры. Задаваясь вопросом: была ли в эпоху Ренессанса действительно высшая, подлинная «жизнь», Бердяев приходит к мысли, что «жизнь» была ужасной и злой, поскольку в ней «никогда не была осуществлена красота в земном ее совершенстве». С точки зрения философа, «жизнь Леонардо была сплошной трагедией и мукой» с характерными симптомами трагедии – дерзновенной жадностью творчества и творческим бессилием. Бердяев считает, что такой поворот истории был неизбежен – «опыт нового человека, поставившего себе задачей владычество над миром, сделал его рабом». Осознание внутреннего противоречия, несоответствие задания – «взлета ввысь» и результатов творчества – «ниспадения вниз» обнаружили как неудовлетворенность культурой, так и конец Ренессанса. Вместо бытия творится форма, продукт человеческого творчества, что «не есть высшее бытие, высшая жизнь» [11, с. 537]. Следуя в русле идей Д. Мережковского, философ противопоставляет Ренессансу эпоху Средневековья, которая, основываясь на дисциплинированности и подчинении высшим, сверхчеловеческим началам, не растрчивала духовные силы человека, создала великую культуру и дала начало расцвету следующей эпохи.

Таким образом, в кризисе Ренессанса мыслители увидели начало кризиса

современной Европы, в которой выразился и духовный кризис всей европейской культуры.

Стремление мыслителей представить концепцию культуры как творческой деятельности во всем многообразии ее проявлений – духовной, материальной, социальной сторон выразилось не только в осмыслении противоречий духовного и материального, но и в поиске пути развития и совершенствования идеального общества. Состояние современного общества и Мережковский, и Бердяев связывали с низким уровнем нравственности и упадком духовной активности и считали, что власть материальной, технической цивилизации над человеческой жизнью требует от человека высокого уровня духовности. Предлагая оригинальные проекты выхода из захватившего мир цивилизационного кризиса, оба мыслителя отрицали насильственные методы преобразования общества и утверждали программу духовно-нравственного преображения общества.

Выход из цивилизационного кризиса Д.С. Мережковский видел в культуре как в «миростроительной» силе, возлагая при этом надежду на русскую культуру. В синтезе культуры (духа) и цивилизации (плоти), в «Духовной плоти», Д.С. Мережковский видел разрешение общественных противоречий и воплощение гармонического единства. Н.А. Бердяев был убежден, что будущее культуры зависит от того, «захочет ли человек хоть на мгновение освободиться, одуматься, осмыслить свою жизнь, обратить свой взор к небу» и призывал к поиску духовного центра, накоплению новых творческих сил путем «волевого подчинения себя сверхчеловеческой святине», что сделает возможным новый, христианский Ренессанс. В религии Бердяев увидел силу, способную преобразить и осветить всю жизнь изнутри.

В конечном итоге философы уповали на возрождение религиозной жизни и ведущую роль в этом процессе отводили русской интеллигенции. Называя русскую интеллигенцию воплощением «*intellectus*’а, разума, сознания России», Д.С. Мережковский предвидел, что интеллигенция должна прийти к религии, перестать быть только интеллигенцией и стать «Разумом Богочеловеческим», частью «вечной, вселенской Церкви Грядущего Господа». Как характерную черту, присущую русской интеллигенции, мыслитель отметил «великую и все возрастающую религиозную жажду» и определил задачу интеллигенции,

состоящую в ответственности за судьбу России и сохранение русской культуры».

Мысли Д.С. Мережковского созвучны размышлениям Н.А. Бердяева, который считал, что будущее России предопределено и зависит от религиозных верований русского народа: «Нельзя изнашивать русский народ, нужно способствовать его перерождению изнутри» [12, с. 104].

По мнению философов, в христианстве наступает эпоха, когда большую роль будет играть религиозная интеллигенция, что, в свою очередь, изменит и стиль христианства. Являясь представителями «нового религиозного сознания», оба мыслителя осознали кризис исторического христианства и мечтали о новой религии, которая соединит небо и землю, дух и плоть, разум и чувства, христианское и языческое. Именно из этой новой религии и должна вырасти культура нового типа.

Нравственное совершенствование человека, религиозное возрождение и культурное преображение общества мыслители связывали с «вечной» религией Св. Троицы, торжество которой виделось им в приближении эпохи Св. Духа, и призывали человечество к активной творческой деятельности.

В «Открытом письме к Н.А. Бердяеву» Мережковский отмечал: «В России меня не любили и бранили; за границей меня любили и хвалили; но здесь и там одинаково не понимали моего. Я испытывал минуты такого одиночества, что становилось жутко...».

Всю жизнь Н.А. Бердяев беспокоился о том, что его «плохо знают и понимают», и не

понимают самого главного, и с горечью констатировал: «Я остался очень одиноким в своей мысли». Ему всегда казалось, что его «не любило “общественное мнение”», а его мысли «...отпугивали и плохо понимались».

Эти строки написали два неординарных и творчески независимых человека, сознававшие всю сложность поставленных ими проблем. В беспокойстве выражалась потребность обоих мыслителей не к внешнему успеху, а к живому диалогу с народом, с обществом. Спасение России в условиях кризиса духовных идеалов стало для них общей задачей, которая выражалась в переходе от религиозного сознания к религиозному действию. В своих работах Мережковский и Бердяев не только выявили скрытые духовные возможности и силы, но и показали те высочайшие и благороднейшие идеи, которые лежат в основании духовной культуры. Их жизненные и творческие пути должны были пересечься – и они пересеклись: «Главное, мы вместе. Это великая радость» [13, с. 92].

Нет необходимости говорить о том, что, при кажущейся иногда парадоксальности и противоречивости, взгляды Д. Мережковского и Н. Бердяева в определенной мере оказались пророческими.

«По плодам узнаете их» – любил повторять Д.С. Мережковский.

Пришло время собирать плоды?

Список литературы

1. Бердяев Н. Русская идея. – Л.: Русская

«HUGE STRENGTH» OR «HUGE FAILURE»? (D.S. MEREZHKOVSKIY AND N. A. BERDYAEV ON THE ROLE OF CULTURE IN THE DEVELOPMENT OF SOCIETY)

O. V. Pchelina

This article deals with one of the central problems of modern philosophical thought – the socio-cultural crisis at the turn of the 19th–20th centuries and the role of culture in the development of society. Comparative analysis of the legacy of representatives of Russian religious and philosophical thought D.S. Merezhkovskiy and N.A. Berdyaev allows us to comprehend this cultural phenomenon fully.

These philosophers did not only consider the reason for and consequences of the socio-cultural crisis in its historical context and the fate and role of Russia, they were also striving to bring about the possibility of a renaissance in society, based on the priority of spiritual culture. Studying the works of Merezhkovskiy and Berdyaev allows us to create a more complex picture of the development of Russia's religious Renaissance.

For Merezhkovskiy and Berdyaev, the category of culture is one of the fundamental categories in philosophy. These philosophers came to understand the essence of culture as a system that embraces and determines all spheres of life. They worked out cultural and philosophical positions based on the antithesis between the concepts of culture and civilisation. Despite the fact that they were working on similar themes, their views on the characteristics of these concepts demonstrate substantial differences.

Their concept of culture and religion is presented in detail. Interpreting religion as the beginning and the base of culture and foreseeing that in future “culture will be a substitute for religion and will become religion itself”, Merezhkovskiy and Berdyaev demonstrate the potential of spiritual culture as a force that is able to transform and stimulate positive historical changes.

A comparative analysis of the views of Merezhkovskiy and Berdyaev allows us to say that what unites their approach is their belief in the primacy of spiritual culture over civilisation, a guarantor of human creation and an indication of the development of free society in a state of crisis. These philosophers outlined the task for the future development of society – spiritual culture must become a directing force for the future development of civilisation.

литература, 1991. № 3.

2. Бердяев Н.А. Воля к жизни и воля к культуре // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение. – М., 1990.

3. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. – Париж, 1939.

4. Мережковский Д.С. Мистическое движение нашего века // Мережковский Д.С. «Акрополь». Избр. лит.-критич. статьи. – М.: Кн. палата, 1991.

5. Мережковский Д. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // Мережковский Д. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. – М.: Республика, 1995.

6. Мережковский Д.С. Св. София // Мережковский Д.С. Большая Россия. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1991.

7. Мережковский Д.С. Балаган и трагедия // Мережковский Д.С. «Акрополь». Избр. лит.-критич. статьи. – М.: Кн. палата, 1991.

8. Николай Бердяев. Истина и откровение. Прологомены к критике Откровения – СПб.: РХГИ, 1996.

9. Мережковский Д. Революция и религия // Мережковский Д. Павел I. Александр I. – М., 1989.

10. Мережковский Д.С. Данте. – Томск, «Водолей», 1997.

11. Бердяев Н.А. Конец Ренессанса и кризис гуманизма // Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. – М., Харьков, 2004.

12. Бердяев Н.А. Новое Средневековье: Размышления о судьбе России и Европы. – Берлин, 1924.

13. Мережковский Д.С. О новом религиозном действии // Мережковский Д.С. Большая Россия. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1991.